

КЯМАЛЯ АБИЕВА

РАССКАЗЫ

«Она» – Яврум

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Ее родители поссорились еще до ее рождения, не общались. Если б мать не позвонила, отец не узнал бы о ее рождении. Но в тот день он не пришел. Он увидел ее только через несколько месяцев. Хоть бы он не оправдывался... При рождении она не знала, что отец не пришел, и это зависело от матери – узнает ли она об этом вообще. Она никогда не узнает или никогда не поймет, почему он не пришел. Она, вероятно, не поймет. Это трудно понять. Она даже не знала, что отец впервые обнял ее в возрасте 7-8 месяцев. Матери трудно было стерпеть безразличие отца. «Мы должна расстаться», – решила она. Причина, по которой они решили пожениться и быть вместе: любовь. А причиной развода стало много отговорок и доводов, скрывающих первопричину. Они расстались. Законным образом, через суд... Она этого не знала. Но потом узнает непременно... Конечно, суд приговорил выплачивать алименты, и, конечно же, отец их не платил. Никто не может испытывать большего чувства, ощущать большей красоты, чем видеть, как твой ребенок, крохотное существо впервые открывает глаза, тянет руки навстречу жизни, как смеется, плачет, растет. То есть тот, кто этого не понимает, не может думать и об алиментах. Папа нашел новую любовницу. Или же думал, что она любовница. А девочка росла. Ей исполнился один годик. Отец не помнил день рождения дочки. Мать очень взволновалась, нервничала, плакала и выместила свой гнев на своей матери:

– Видела? Ты говорила, потерпи, не разводись. А он как не был отцом, так никогда им и не станет. Никакая бумага, никакой документ не делает мужчину отцом.

Это была правда, сущая правда. Никакой документ не является залогом любви, материнства, отцовства. А счастья и вовсе не приносит. Два человека, которые несчастливы вместе, не могут сделать счастливым третьего – свое дитя.

Но ее мать видела, как девочка смотрит на младенцев на руках у отцов, эти взгляды никто бы не смог объяснить. В это время выражение ее лица превращало все доводы и отговорки в ничто, сокрушало всю гордость матери... Мать не выдержала. Однажды она взяла девочку и отправилась к отцу, то есть, в свой дом. Дверь открыла любовница. Она надела маску удивления от внезапной и неожиданной новости. Конечно, любовница всё знала. Хотя мать была сбита с толку, она не растерялась и вошла к себе домой. Появился отец. Он тоже был в замешательстве, но взял себя в руки и сказал: «О... доченька... добро пожаловать». Это немного успокоило мать. Девочка была недостаточно взрослой, чтобы понять, что это за женщина в доме, и даже на нее смотрела с такой радостью... Хотя она видела отца всего несколько раз, она положила голову ему на грудь и крепко сжала его руку. Она гордо смотрела на свою мать. Затем она взяла ее за руку и сказала: «Мама, папа». Никто не узнает, что за чувства и мысли она испытала, или не сможет их объяснить. Для нее чужая женщина не имела никакого значения. После этого случая отец приходил иногда навещать своего ребенка. Как ни странно, хотя девочка видела его редко, она обнимала его со словами «папочка» и не сходила с его колен. Правда, она не вспоминала об отце, когда играла со своим дядей, потому что дядя был первым мужчиной, который взял ее на руки. Но она говорила: «Пойдем к папе», и они шли.

Она недавно выучила в садике старые песни: «Мои цыплята», «Бабуля», «Кукла». И всё с энтузиазмом пела, в основном, «Куклу». Или, говоря ее собственными словами, «Длинновласку»: *Для меня отец купил / Много ручек и блокнот...*

Выражение ее лица побуждало каждого верить во все лучшее. Хотя она видела отца редко, пела она счастливо: – *Для меня отец купил...*

Фактически отец не покупал ей ручки. Он ничего не покупал. Она этого не знала. И не понимала. И, вероятно, не поймет никогда.

Она росла. Два годика, потом три, потом...

Она часто спрашивала: «Когда придет отец?» Все говорили: «Он придет, когда закончит работу». А она повторяла: «Папа плидет, когда закончит лаботу». Иногда она говорила: «Я хочу к папе». Может, она скучала в эти моменты. Наверное, очень скучала. И этого никто не может объяснить. Она часто говорила: «Позвони папе, я поговорю с ним». Это оказывалось проще. Она говорила так мило, будто отец жил вместе с ней. Каждый раз она прощалась словами: «Папа, плиходи, когда лаботу закончишь, ладно?» А когда редко приходящий отец уходил, она говорила маме: «Мама, пойдем в другой дом?». Затем она меняла вопрос, понимая, что сказала что-то не так: «Я пойду к папе?». И, не дожидаясь ответа, она надевала все свои красивые вещи и шла к папе. Никто не может выразить, какой она выглядела счастливой... А мать ... Мать была рада видеть, как дочь становилась счастлива от общения с отцом. Однажды она в очередной раз сказала: «Пойдем к отцу». Но этот раз оказался последним. Ей было всего три года, и как можно было спросить о причине у трехлетки??? Все были удивлены. Мать узнала, что в доме была чужая женщина, то есть, очередная любовница отца. Правда, для матери это было не в новинку, но для ребенка в меру ее разумения – это достаточно тяжело. Потому что она впервые увидела отца, которого считала своим, в квартире, которую считала своей, вместе с чужой женщиной. И это был конец.

Отцу всё было невдомек. Он был занят своей новой возлюбленной или думал, что влюблен в нее. Прежняя любовница внезапно покинула его и вышла замуж за другого. Может, не могла забыть взгляда маленькой девочки... К тому же, не каждая женщина, которая видит мужчину всегда или часто пьяным, остается с ним. Многие это терпят, но немало и тех, кто нет. Хоть немного умная женщина не может оставаться с тем, кто не способен быть отцом. Женщины редко оставляют плохих мужей, если они хорошие отцы. Мужчина может быть для женщины хорошим другом, хорошим любовником, интересным человеком. Расставшись, женщина плачет по нему, проливает слезы и вздыхает. Но для матери, прежде всего, он должен быть хорошим отцом, а не хорошим мужчиной. Женщина, которая хочет быть матерью, в первую очередь должна выбрать того, кто может быть ОТЦОМ, а не того, кого можно назвать «отцом». Это, конечно, легко сказать, но оно того стоит. Станет меньше неверного выбора. То есть «муж» и «отец» не всегда совпадают, отцом быть сложно. Чтобы стать отцом, нужен настоящий талант; речь не идет о сочинении стихов, рисовании, создании фильмов, карьере актера или о чем-то еще. Тот, кто ради ребенка работает грузчиком, мусорщиком – более талантлив и велик. Это просто талант быть человеком. Мужем быть проще. А найти мужа и вовсе легко... Конечно, это касается и мужчин, но мужчинам легче, потому что бремя МАТЕРИНСТВА ложится на женщин. Матери часто прощают плохих мужей, которые являются хорошими отцами. Ее мать также пыталась простить его, потому что видела, как счастлива дочурка при встречах с отцом, как она смеется, усаживает их рядом, а сама стоит напротив и держит их за руки... Будто она не хотела видеть их порознь. Или же так казалось со стороны.

Узнав правду, мать поняла причину плача, напряжения и капризов дочурки, которые казались необоснованными. Хотя это было трудно, она захотела успокоить ее и помочь ее крохотному для такого бремени, но по сути выросшему сердечку:

– Доченька, папа...

– Папа плохой, – перебила она мать хрупким, обиженным голоском. Чего только не было в этом голосе: слезы, любовь, боль, шок, гнев... может, даже ненависть... Два человека, которые не могут быть вместе, не имеют права позволить третьему переживать эти чувства. Они могут расстаться, освободиться друг от друга. Но если есть третий, они не могут перестать быть ОТЦОМ или МАТЕРЬЮ. Тот, кто этого не понимает – разрушитель, хищник. Ибо в нем нет любви... Он не может стать кем-то или чем-то. Ибо в нем нет любви... И в любой момент он может раздавить, растоптать всё и всех вокруг. Ибо в нем нет любви... Безразличие – самая страшная опасность. Для окружающей среды: воздуха, земли, воды... опасность для людей. Ибо в нем нет любви... Оно не способно никого и ничего полюбить.

...Проходят дни и месяцы. Яврум растет... Она больше не говорит об отце. Она больше не говорит «Пойдем к папе», что очень странно, непонятно, будто любви больше нет. Но она по-прежнему поет старые песни. Больше всего «Длинновласку»:

– Сестра купила для меня

– Нет-нет, отец купил...

Она посмотрела краем глаз, сделала вид, что не слышит, повисила обиженный сердитый голос и снова запела старую песню:

– Сестра купила для меня...

У нее нет сестры, но она знает, какими бывают сестры...

Белый флаг

Девочка родилась в тяжелые времена: повсюду смерть и слезы. Она не знала, что такое пуля, но ее взгляд словно следил за полетом пули. Она еще не понимала, что такое война. А когда поймет, то возненавидит все войны. Она жила младенческой жизнью, тосковала по родителям, по их рукам, заботе и теплу. Отец сражался, как и все. А мать делала всё, на что была горазда: она ходила в окопы, ухаживала за ранеными, стирала солдатскую одежду, занималась посевом, приглядывала за животными, помогала детям с едой и одеждой, руководила их уроками и так далее... Конечно, как и все женщины в деревне. Воздух, вода, деревья, камни, цветы... все, все было тяжело. Тяжело было жить. Все были тяжелые: старики, молодежь, подростки, дети – все одного возраста, все старые. Малыши больше плакали, гулили сами себе, некому было их рассмешить, или сами они не смеялись, никого это не волновало. Никто ни на что не жаловался, да и не было времени жаловаться. Оставалось терпение, полное надежды и веры.

Брат девочки часто бегал в окопы к воинам. Отец упрекал брата:

– Ты должен учиться, – говорил он.

А брат девочки ворчал:

– Чего еще учиться... Отберем наши земли, потом поучусь.

Отец не слышал этих слов. Но соседский мальчик их слышал. Брат говорил только с этим мальчиком, высказывал ему, что на душе:

– Я все равно уйду.

Соседский мальчик, который еще не понимал, что происходит, но чье лицо и взгляд были тяжелы от тяжести воздуха, воды, гор, деревьев, спрашивал:

– Куда?

– Далеко. Далеко от нашей деревни, сражаться. Туда, где мой отец не сможет меня найти, – отвечал брат девочки как большой, взрослый мужчина.

– Ты возьмешь меня с собой?

– Нет, я не могу взять тебя. Ты ребенок, – отвечал он, глядя в залитые слезами глаза мальчика, и продолжал хриплым голосом: – Ты ведь здесь нужен. Наши отцы воюют, наши матери целый день работают как машины. Вашему двору, нашему двору нужен мужчина, чтобы за ними присматривать, или нет? А еще и сестра моя, я дове-

ряю ее тебе. Всё равно за ней приглядываешь ты. Учи уроки. Хорошо учись. Не откладывай книги в сторону... Я вот не учился. Образованный человек силен. Присмотри, чтобы и сестра моя уроками занималась. Хочу, чтобы она стала врачом, – с этими словами брат уставился вдаль.

– Ты вернешься поздно? – грустно спросил мальчик.

Брат девочки, который не мог ответить на этот грустный голос, молчал...

После этого разговора глаза Мальчика еще немного постарели, а голос, походка и осанка стали еще тяжелее. Причиной тому было не позднее возвращение брата девочки, а война, суть которой он не осознал до конца, хоть она охватила всё его существо. Это означает, что в течение многих лет он будет очень мало видиться с отцом, весь день будет скучать по матери, не сможет спокойно играть с друзьями, не сможет спокойно ходить в школу. Они часто будут забираться в подвалы, некоторые будут покалечены, некоторые умрут, некоторые будут кричать, а другие тихо плакать. Вообще, Мальчику долгие годы будет казаться, что все взрослые плачут...

Брат девочки сдержал слово и через некоторое время ушел... Вернулся через год. Он тихо лежал в солдатской форме, такой красивый, такой симпатичный... Все собрались вокруг него. Один из его соратников прошептал: «он был такой храбрый, такой смелый...»

Мать простонала: «Почему ты так торопился, сынок...»

Мальчик посмотрел на отца. Папа был похож на слезы – как и все... Никто не был похож на себя. Как ужасно не походить на самого себя. Он подумал о девушке. Она не бросилась ему в глаза. Вдруг она появилась рядом с братом. Она схватил его за руку своими маленькими ладонями. Воцарилась такая тишина, будто весь мир онемел. Одной рукой она гладила брату волосы. Тишина нарушилась... Мир плакал... рука брата оросилась слезами. Девочке показалось, что брат пожал ей руку. «Я скучала по тебе», – сказала она. Вдруг кто-то очнулся, взял девочку на руки и обнял. Она зарыдала:

– Почему мой брат лежит и не двигается? Он умер?

Вопрос маленькой девочки никого не удивил. Один только Мальчик подумал: «Что есть смерть? То есть тебя уложат в землю. Наверно, так поступают, когда очень больно. Ведь когда человеку больно, мама берет его на руки и ласкает. Тотчас боль утихает и сходит на нет. Интересно, есть ли более удобное, теплое, безопасное место, чем на руках у матери? Наверное, это только земля, поэтому мы называем ее МАТЬ. МАТЬ-земля. Когда нам очень больно, земля обнимает нас. Как мать». Мальчик думал. Он снова посмотрел на отца, посмотрел... Как будто на голову отца надели белую папаху. Он огляделся. Никто ничему не удивлялся. На войне умирает и изумление.

Прошло несколько лет. Девочка уже ходила в школу. Все снова были чем-то заняты. Было относительно тихо, однако на этом война не закончилась. Мальчик не уходил от девочки. Девочка часто спрашивала:

– Ты мой брат?

И всегда слышала один и тот же ответ:

– Нет... да ...

Хотя никто из них ничего не понимал, этот расплывчатый ответ удовлетворял обоих.

Они часто ходили в фруктовые сады вокруг села. Но гуляли только на одной стороне. Почти посреди садов была вырыта длинная траншея. В окопах всегда были солдаты. Однажды девушка спросила:

– Почему бы нам не пойти туда? Ведь и там наша деревня.

– Потому что там сейчас враги.

– Кто такой враг?

– Враг, то есть тот, кто нас не любит...

– Людей убивают тоже враги?

- Да...
- Мне не нравится тот рыжий мальчик в нашем квартале. Но я не убью его.
- Это другое, он ничего плохого тебе не делает...
- Если там враги, почему солдаты не уходят?
- Они защищают нас.
- Если не солдаты, враги убьют нас?
- Убьют.
- И тебя тоже убьют?

Мальчик помолчал. Он мысленно ответил: «Ах, и меня, и даже тебя... Но ты можешь стать врачом. Может быть, станешь учительницей. Ты можешь стать любящей матерью...»

Потом погладил ее по волосам:

- Это война. Так бывает на войне.

Этого ответа девчужке показалось мало. Она мало что поняла. Только то, что на войне могут погибнуть все: дети, взрослые, все близкие, все...

- Когда закончится война?

Мальчик замер и подумал:

- Если одна из противоборствующих сторон сдастся.

- Тогда давайте сдадимся, и война закончится.

– Нельзя, – рассердился мальчик, – больше так не говори! Они захватили наши земли. Мы должны освободить эти земли. Мы не можем сдать их. Не можем.

– Тогда пусть сдадутся они, и война закончится... Пусть никто не умирает. Ты ведь сам говоришь, что кто-то должен сдать. Пусть сдадутся, пускай они сдадутся, и больше никто не будет умирать, – девочка заплакала, ее глаза были полны слез.

Мальчик вытер ее слезы кончиками пальцев. Он сказал себе: «На самом деле нет ничего хуже этих слез. Я хочу, чтобы люди не причиняли боль друг другу. Я бы наказал тех, кто изобрел оружие. Нет, я бы запретил оружие вообще».

Девочка снова спросила:

- А почему они не сдаются?
- Они не хотят. Мы сами заставим их.
- Может, они хотят, откуда знаешь?
- Мы бы знали, если бы они хотели.
- Как?
- Они бы подняли белый флаг.

Девочка смотрела на него с изумлением.

Мальчик не мог отвести взгляда от этих изумленных глаз, в которых таилась надежда.

– Поднять белый флаг означает, что я не хочу воевать, я сдаюсь, я хочу заключить мир, поняла? – сказал он, глядя на нее, чтобы узнать, удовлетворена ли она объяснением. Лицо девчужки просияло. Этот свет говорил: что может быть лучше, чтобы понять?!

Прошло несколько дней. Мальчик позвал девочку со двора. Позвал снова. Он поднялся к ней. Девочки не было. Но ведь они вместе вернулись из школы, пообедали, он уложил ее спать, пошел к себе домой, как всегда, готовил уроки. Куда она пропала? Вероятно, она ушла одна. Он даже сам не понял, испугался ли или взволновался. Он побежал к окопам. Сегодня ночью все еще стреляли. Мальчик бежал за своим сердцем. Добежал, девчужки не было видно. Один из солдат рассердился:

- Чего торчишь, нагнись. Не слышишь, стреляют...

А мальчик встал еще немного на цыпочки, стал выше, изумление в его глазах заставило солдат смотреть в том же направлении. Белый флаг, выглядывавший из-за деревьев, двигался туда-сюда посередине пространства между двумя сторонами. Стрельба прекратилась. Обе стороны были сбиты с толку. В воздухе витала надежда

на то, что война закончилась... Увидеть владельца флага не получалось. Ее видел только мальчик – слабое, стройное тело, окутанное в белое. Время от времени под белой накидкой на ее голове можно было увидеть черные волосы, красивые, как мирные, спокойные, свободные от войны дни. Девочка летела на ножках, похожих на тонкие флагштоки, тоненьких ножках, неспособных оправиться от голода, боли жизни или душевной горечи.

Обе стороны молчали...

Белый король

Он его не видел. Он просто чувствовал, что тот рядом. Он не понимал, как тот выглядит, но существо было высоким, очень высоким. Они находились в месте, похожем на длинный коридор. Они шли. Нет, похоже, летели. Потому что он даже не знал, куда ступает. Было много дверей. «Что это за двери? Кто это? Что это за место? Почему я здесь?» – задавал он себе вопросы. Как будто перед одной из дверей ему сказали: «Заходи». На самом деле он ничего не слышал, но уже был внутри. Спутник исчез. Он огляделся: сколько же их? Я никого из них не знаю. Нет, все знакомы. Я их всех знаю. Но откуда?

Он не смог вспомнить.

– Они одинаково одеты. Так почему я, как и они, одет в белое? Моя должность, мои деньги, мои дорогие костюмы... Почему я не одет как они? Что у меня с ними общего? Разве мне это к лицу? А Белый Кор... мысль оборвалась... Или?.. Он вздрогнул. Он оглядывался по сторонам. Как будто все смотрели на него; в глазах и лицах таилась странная белизна, очень странная. Они приближались к нему, они подходили к нему всё ближе... Он не мог разобрать, толкали или били они того, кто шел впереди.

– Ах, ведь это...

– Да, узнал, я тоже тебя сразу узнал. Я знал, что однажды ты придешь сюда, и мы встретимся.

Его голос был белоснежен.

– Ты всегда говорил: «Это денежная работа. Заживем как короли. Когда я хотел протестовать, ты говорил: «Мы никого ни к чему не принуждаем... Не бойся, будь храбрым. Если с тобой что-то случится, я сам тебя выручу». Но когда меня взяли... Ты не пытался меня спасти, ты пытался избавиться от меня. В тюрьме я испытал дикие мучения. Меня так сильно били, так сильно били, что я попал сюда. Мои легкие все еще болят. Ты думал, мы больше никогда не встретимся? Посмотри, сколько тут знакомых лиц. Но тебя встретил я, а ты знаешь, кто встречал меня? Глянь, видишь ту девушку? Смотри! У нее на руках младенец. Забыл уже? Раньше ты без ума от нее был. Ты сбил ее с пути грязными играми, сделал несчастной. А потом... – он положил руку на бок, на его лице проступила боль. – Моя печень снова болит... Потом ты дал мне кучу денег, чтобы я отнес их ей, и я отнес. Девушка так странно на меня смотрела, так смотрела... Это был не взгляд, это был чистый ужас. Никак не забуду. Так много ошибок, которые превращаются в тяжкий грех и наполняют тебя горем, растаптывают всю душу... Ты этого не поймешь. Человек не может избавиться от боли. Все это мои ошибки – ошибки, которые растут, превращаются в грех. Думал, пройдет, забуду. Не вышло... Не выходит... это впитывается всё глубже, превращается в горечь... Видишь, сколько их? Все они меня топчут, мучают. В конце концов, я был твоим помощником. Ты заставлял меня. Почему ты не помог мне в трудную минуту? Эта бедная девочка... охх... у меня снова болит печень, болят легкие. Не могу дышать, задыхаюсь...

Вдруг он увидел перед собой Девушку:

– Ты пришел? Наконец-то... Вот наш ребенок, ты от него отказался. А я не смогла оставить его. В конце концов, я его мать. Он совсем крохотный. Посмотри,

какой сладкий, всего четыре месяца... Когда я увидела эти деньги, я все поняла. Мои отец, мать и брат узнали, что я собираюсь стать матерью. Но они простили меня... Как сильно они страдали. Они просто хотели узнать твое имя. Я никому ничего не сказала. Я боялась, что они причинят тебе боль. Я взяла нашего ... малыша и пришла сюда. Мои родители не хотели меня отпускать, они старались, как могли, пытались спасти. Моя мама плакала, рыдала, иногда шептала: доченька, я ничего не хочу, оставайся со мной, будь здорова, больше ничего не хочу. Но ни у кого сил не хватило, они не смогли меня остановить. Видишь, есть вещи, когда даже деньги бессильны?! Но у тебя сил бы хватило. Если б ты пришел... Ты не пришел, не пришел ... как долго я тебя ждала, как долго...

Ему показалось, что девушка плачет. «Слезы ведь бесцветны, почему у нее слезы такие белоснежные?» Он вспомнил. Как только он вспомнил, он понял, почему белоснежны слезы в этих глазах, которые всегда улыбались, наполнились радостью и любовью. «Я лю...би...ла... те...бя...а... не ...день..ги. Деньги... Ты... Я...»

Обрывающийся голос девушки, казалось, ломал ему мозг. Он хотел крикнуть «ЗАМОЛЧИ», но не смог издать ни звука.

Девушка исчезла. А голос остался. Существа в белой одежде окружили его. Раздавались и их голоса. Ненависть, гнев, боль, рыдания... он совсем сходил с ума от этих голосов.

– Ты пришел за нами? Здесь ты ничего не сможешь сделать.

Доносились голоса. Голоса смешивались:

– Гляди, мы грех и наказание. И твое, и свое собственное.

– Ты сделал меня убийцей матери.

– Ты забрал у меня единственного ребенка. Мое сердце не выдержало. Его мать слегла в постель. Ты и ее оставил одну. Нет, не одну, а наедине с болью.

– Посмотри на меня. Ты сделал меня своим слугой. Я не мог избавиться от тебя, не пускали твои «барыги». Я потерял всё, что имел. Вы сделали со мной такое, что я давал «товар» моей шестилетней дочери и отправлял ее по чужим дверям. Когда об этом узнала ее мать, она забрала дочь и ушла. Велела мне убираться из их жизни! «Не ищи нас! – сказала она. – Я скажу твоей дочери, что ты умер».

Я и не искал. Я понял, что меня больше нет. Два дня не двигался с места. А потом все, что было у меня... Вот и мой конец. Гляди, вот соседская девушка, узнаешь, наверное. Она только что закончила школу. Сколько их еще будет. Это все мои грехи, а я – твой грех. Я сам наказал себя, а ты...

Голоса не утихали:

– Посмотри и на меня.

– И на меня...

– Стоит ли оно того? Стоит творить столько грехов из-за дорогой машины, виллы, драгоценностей, денег и всего остального? Теперь мы все вместе, и мы не оставим тебя в покое. Будешь страдать, бояться, умолять...

Голоса сотрясали владельца положения и денег.

Он посмотрел на своего помощника. Его глаза стали еще белее. Вместо зрачков был страх. Черный страх.

– Сам, сам виноват. На этот раз ты должен ответить за свои грехи. Боишься? Ведь ты сильнее, могущественнее их всех. Чего ты боишься? У тебя деньги, работа, связи. Ты всегда выходил сухим из воды. Но я хочу сказать тебе правду. Лгать здесь все равно не получится, здесь не слышно никакой лжи, это не помогает. Почему ты так смотришь? Бывает и такое. Теперь и я не могу скрыть правды, да и не хочу ее скрывать. Потому что мне всегда хотелось увидеть, как ты боишься. Я так хотел этого...

Он протянул к нему руки, всё дальше. Хотел его схватить. Руки тянулись и тянулись, но не могли схватить...

– Посмотри на этого парня. Он не двигается, не говорит, только смотрит на человека рядом и приговаривает «братец». Стонет и здесь. Не вспомнил? Он продал всё, что у него было, влез в долги. Его брат жил за границей, имел хорошую работу. Он так умолял меня отпустить его к брату. Я предложил тебе отпустить его. Ты не позволил. Он позвал своего брата. Что это был за брат! Какой достойный парень. Он заплатил все его долги. Он взял брата, чтобы увезти с собой, но ты снова не позволил. Ты сказал: «Нельзя». Почему ты не отпустил этого бедолагу? Он сказал: «Я начну работать. Женюсь». Он хотел быть счастливым и жить. Ты не дал. По дороге в аэропорт сгорела их машина. Помнишь? Я говорю, машина их сгорела. Чего хлопнешь глазами? Это совпадение? Вот тогда меня и взяли. Но я не знал о пожаре. Я бы этого не сделал, я бы никогда этого не сделал. Я знал, что это твоя работа. Я много чего знал. Вот потому ты меня и подставил. Что с тобой? Ты весь побледнел? Белый король.

Парень посмотрел на него... Его глаза были настолько ясны, что он не мог с собой совладать и упал... Он даже не знал, куда упал. Но все стояли вокруг, над головой, над грудью. У каждого была игла в руке. Все молча перешептывались:

– Не бойся, каждый уколёт по одному разу. А вот это ты должен проглотить. Тебе станет хорошо, и денег не надо. Здесь деньги не нужны. Не бойся, это чистый товар, всё твое, всё твое родное.

НЕ БОЙСЯ, НЕ БОЙСЯ. НЕМНОГО, ВСЕГО РАЗОК...

– Нет, нет. Не только я виноват. Никто не может быть принужден к чему-либо. Я тоже не принуждал. Вы сами виноваты, у вас нет силы воли, не знаете, чего хотите, вы слабые, трусливые...

– Мы говорим то же, что и ты. Ты силен, могущественен. Потому с тобой ничего не случится.

ТЫ КОРОЛЬ, ТОЛЬКО ВОТ ТВОЯ ДОЧЬ...

– НЕТ! – заорал он.

– ДА! Ты хоть знаешь, что она вытворяет? Какой доход тебе приносит? У нее много денег, мнооого.

– НЕТ, – прошептал он.

– ДА! Ты знаешь, где она проводит ночи?

– НЕТ! – простонал он.

– ДА! Ты не видишь, что днем она только спит?

– НЕТ, – взмолился он.

– ДА! Она в «кайфе»...

– НЕТ! – простонал он снова.

– ДА, разве ты не знаешь? Откуда тебе знать? У тебя ни одной свободной минуты... У тебя столько дел.

– НЕТ... – заплакал он.

– ДА, ты забыл? Здесь не слышно никакой лжи. Здесь есть только правда, ИСТИНА.

Он плакал... Он рыдал со словами: «Нет, доченька»... На этот раз его рыдания были правдой. Он плакал так громко, что проснулся от собственного голоса. Иногда плачешь и просыпаешься, а порой просыпаешься и плачешь.

Он весь вспотел. Чувствовал невыносимую боль. Болели места уколов. Волосы, голова, лицо, глаза, ... слезы... всё болело. Даже сердце... Даже совесть... Было больно, больно. Он вздрогнул от боли. Он побежал в комнату дочери. Дверь была заперта. Он бился в дверь, бился. Как будто все грехи были в закрытой двери. Он взломал дверь и упал на пол. Еле-еле поднял голову. Кровать была пуста...

– Доченька... – прохрипел он...